

Сопровождавший врач не решался вмешаться, но Ду Хань резко оттянул руку Цзян Чэна. Однако мускулистая, словно железный обруч, рука лишь слегка дрогнула, а Цзян Чэн, с глазами, полными крови, яростно посмотрел на него.

Ду Хань выругался:

— Ты, чёрт возьми, давай убирайся отсюда! Ты правда хочешь, чтобы он умер?!

С этими словами он кивнул доктору Чжану, чтобы тот начал оказывать помощь, и с ещё большей силой попытался вытащить Гу Шэна из рук мужчины. Но на этот раз он едва не потерял равновесие, так как Цзян Чэн, услышав определённое слово, явно вздрогнул и, потеряв силы, рухнул на колени.

Ду Хань лишь мельком взглянул на него в промежутке между действиями. Мужчина, словно потерянный, был оттеснён медсёстрами в сторону, его взгляд был мутным, словно он не мог прийти в себя.

Чёрт.

Чёрт. Ду Хань машинально подумал, что сейчас этот чёртов вид, а где он был раньше.

Если в прошлый раз, когда Гу Шэн сломал два ребра и был доставлен в больницу, Цзян Чэн ещё мог утешать себя тем, что это Мэйсян была жестока, то на этот раз Гу Шэн был доведён до удушья и шока, и это стало как гром среди ясного неба, который разбудил второго молодого господина Цзяна, привыкшего поступать как вздумается.

Ду Хань поставил капельницу, похлопал Цзян Чэна по плечу и вывел его из спальни, прислонив к стене:

— Господин Цзян, я не пытаюсь с вами сблизиться. Мы знакомы уже много лет, и я никогда не говорил о вас плохо, потому что понимаю, что у каждого свой путь, и тут нечего добавить. Сегодня я врач, и я говорю вам это спокойно и вежливо: на этот раз мы его спасли, ему повезло, но что будет в следующий раз? Если вы действительно хоть немного любите его и хотите, чтобы он прожил дольше, отпустите его. Я видел многое в больницах и клиниках, и все знают, что я всегда советую мириться, а не расходиться. Я сказал всё, что хотел, понятно?

Его слова действительно задели Цзян Чэна, который несколько раз пытался вставить слово, но был остановлен. В конце концов он замолчал, закурил сигарету, но вдруг резко потушил её.

Ду Хань спросил:

— Что случилось?

Цзян Чэн на мгновение задумался:

— Ему не нравится запах сигарет, говорит, что это вредит горлу.

Ду Хань кивнул, хотел сказать, что он, оказывается, довольно смыслённый, но тут Цзян Чэн продолжил мрачным голосом:

— ...Но я никогда не думал бросить. Даже не думал не курить дома.

Гу Шэн провёл два дня в поместье, едва выжив. Ду Хань прислал из больницы набор современного оборудования, только что импортированного из-за границы, и сказал, что в

Цзиньчжоу таких всего два, и они временно переданы в аренду Цзян Чэну.

Цзян Чэн перенёс все возможные рабочие дела в поместье, и только когда было совершенно необходимо, отправлялся в штаб командования на переговоры, но всегда спешил туда и обратно. Даже если перед входом в дом он ругал японцев, говоря, что они ни на что не годятся и скоро произойдёт что-то серьёзное, он сдерживался, чтобы не показать своего плохого настроения, и выводил Гу Шэна на прогулку под солнцем.

Гу Шэн после всех этих испытаний словно сбросил кожу, на его и так не слишком упитанном лице стали видны очертания костей, и на солнце он казался почти полупрозрачно бледным.

Он покорно позволял Цзян Чэну делать с ним что угодно, его запястье в руке Цзян Чэна казалось таким хрупким, что могло сломаться от малейшего усилия. Цзян Чэн уже пригласил лучших поваров из Цзиньбэя и мастеров традиционных сладостей, чтобы каждый день готовить для него что-то новое, надеясь, что он съест хоть немного. Если какое-то блюдо привлекало его внимание, Цзян Чэн тут же вызывал повара, чтобы тот научил его готовить. Однажды, когда Гу Шэн ел кусочек пирога с османтусом, он вдруг заплакал. Цзян Чэн, растерявшись, стал спрашивать, что случилось, но Гу Шэн лишь отвернулся и ничего не сказал.

Цзян Чэн делал всё это, что в его мире уже имело значение унижения и снисхождения, но, казалось, это вовсе не доходило до Гу Шэна. Он лежал, опираясь на подушку, листая театральные сценарии, иногда напевая несколько строк, совершенно не обращая внимания на Цзян Чэна, который мрачно смотрел на него.

Ду Хань пришёл на осмотр и, увидев эту сцену в саду, покачал головой с сожалением.

На третий день Цзян Чэн вернулся домой с деревянной шкатулкой, которая выглядела довольно обычной, и быстро поднялся вверх, поставив коробку на маленький столик рядом с креслом.

Гу Шэн, свернувшийся в кресле и отдыхающий, слегка дрогнул ресницами и тут же повернулся в другую сторону.

— Взгляни, — мягко уговаривал Цзян Чэн, открывая шкатулку и показывая её, — я долго уговаривал, чтобы её передали, тебе точно понравится.

Гу Шэн нахмурился и резко отмахнулся, словно ему это надоело. Цзян Чэн вскрикнул:

— Эй!

И успел поймать шкатулку, прежде чем она упала, но предмет внутри вылетел и с громким звоном ударился о пол.

Гу Шэн вздрогнул и открыл глаза.

Цзян Чэн, слегка смущённый, выпрямился, поставил шкатулку на стол и горько усмехнулся:

— Не смотри на меня так, я... раньше я был импульсивен, не думал о последствиях, но теперь всё будет иначе, я обещаю... Не будем об этом, посмотри, что я принёс, я долго уговаривал Сун Чжао... уговаривал его, если это разобьётся, тебе будет жаль, правда?

Он с трудом сдержался, чтобы не выругаться, стараясь соблюдать свои новые принципы.

Гу Шэн, очевидно, уже слышал множество его пустых обещаний и не проявлял интереса к подаркам. Когда Цзян Чэн только начинал за ним ухаживать, он подарил ему дорогие итальянские украшения в изящной коробочке, но Гу Шэн даже не захотел открыть её, а когда Цзян Чэн всучил её ему в руки, он тут же выбросил.

За это Цзян Чэн жестоко проучил Гу Шэна, и именно тогда Ду Хань впервые посетил поместье семьи Цзян. В то время Гу Шэн тоже был худым и хрупким, но его дух был несравним с нынешним.

Цзян Чэн смотрел на него с болью в сердце, ему даже хотелось, чтобы Гу Шэн снова что-то выбросил, хотя бы это показало, что у него ещё есть эмоции, а не как сейчас, когда он смотрел в сторону, его стеклянные глаза светились, но в них не было ничего.

Цзян Чэн вздохнул и подумал, что, может, и не стоит:

— Если тебе не нравится, я заберу.

И уже протянул руку.

Но тут Гу Шэн вдруг сел, наклонился и поднял маленький предмет, упавший рядом с креслом.

Зелено-голубая шпилька для волос в солнечном свете переливалась, как радуга, синий хвостовой пёрышек слегка дрожал от лёгкого ветерка, словно оживая в руках молодого человека.

Это была одна из частей головного убора дяньцуй, старинного украшения, сделанного из перьев зимородка. Такие вещи могли себе позволить только актёры, удостоенные королевской милости. После того как последний мастер, владевший этой техникой, погиб в пятилетней войне за Цзингуань, такие древние и жестокие, но ослепительно красивые театральные украшения можно было найти только в подделках.

Гу Шэн лишь мельком взглянул на неё, сдерживая бурю эмоций, и поднял глаза на Цзян Чэна:

— Откуда у тебя это?

Цзян Чэн не заметил его странности, решив, что предмет ему понравился, уселся на соседний стул, закинул ногу на ногу и небрежно сказал:

— Сун Чжао. Он пригласил меня к себе, и я увидел этот набор, подумал, что тебе понравится, и попросил его передать. Он, оказывается, очень дорожит этим, говорил, что это тоже было передано через несколько рук, и ему пришлось заплатить немало, и что не хватает верхнего цветка, но мне это не важно... Какая разница! Теперь это у тебя, можешь выбросить или оставить.

Он рассказал всю историю, но Гу Шэн молчал. Обычно, когда Гу Шэн так игнорировал его, Цзян Чэн тут же начинал злиться, требуя хоть какой-то реакции, но сейчас он почему-то почувствовал себя виноватым и осторожно посмотрел на лицо Гу Шэна.

Взгляд молодого человека надолго застыл на пустом месте в шкатулке, словно там было что-то утраченное много лет назад, что приковало его внимание. Серебряная основа шпильки глубоко впиалась в ладонь юноши, вызывая безграничную, разрывающую сердце боль.

Сун Чжао два дня провёл в смятении, не выдержал и пришёл в поместье семьи Цзян, чтобы

послушать, что происходит. Как раз когда он подумал, что Гу Шэн заперт милитаристом Цзян Чэном и больше не выйдет, Гу Шэн лично дал ему знать, что у него есть некоторая сумма денег для перевода, и попросил о помощи.

Сун Чжао был вне себя от радости, с готовностью согласился, сказав, что он всегда к его услугам, и спросил, когда будет удобно.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16144/1445740>